

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I	3
Часть II	137
Часть III	241
Часть IV	379
Эпилог	482

ЧАСТЬ I

Сержант бросает взгляд на мать Патросинию — слепень все там же. Лодка покачивается на мутных водах между двумя стенами деревьев, источающих горячие, липкие испарения. Укрывшись под навесом из пальмовых листьев от зеленовато-желтого полуденного солнца, голые до пояса, спят жандармы: голова Малыша покоится на животе Тяжеловеса, по телу Блондина ручьями струится пот, Черномазый храпит с раскрытым ртом. Лодку эскортирует туча москитов, между телами мелькают бабочки, осы, жирные мухи. Лоцман Ньевес левой рукой вертит штурвал, в правой держит сигарету, и его бронзовое лицо под соломенной шляпой хранит невозмутимое выражение. Странное дело, почему это здешние не потеют, как все люди? Мать Анхелика лежит на корме с закрытыми глазами; лицо ее изборождено бесчисленными морщинами; время от времени она кончиком языка слизывает пот, выступивший на верхней губе, и сплевывает. Бедная старушка, не по силам ей эти мытарства. Слепень взмахивает синими крылышками, плавно взлетает с розового лба матери Патросинии и, кружа, теряется в слепяще-белом свете. Лоцман готовится выключить мотор: подходим, сержант,

за этой расселиной Чикаис. Но сержанту сердце говорит, что никого там не будет. Мотор умолкает, монахини и жандармы раскрывают глаза, поднимают головы, оглядываются по сторонам. Лоцман Ньевес стоя загребает веслом то слева, то справа, лодка бесшумно приближается к берегу, солдаты встают, надевают рубахи и фуражки, поправляют гетры. За излучиной реки стена зарослей на правом берегу внезапно расступается, и в прогале показывается узкая полоска красноватой земли — глубокий овраг, который спускается к маленькой бухте, полной тины, усеянной валунами, заросшей тростником и папоротником. У берега не видно ни одного каноэ, в овраге ни одной человеческой фигуры. Лодка садится на мель, Ньевес и солдаты прыгивают и шлепают по свинцово-серой грязи. Так и есть, ни одной живой души, правильно говорят мангачи¹ — сердце не обманывает. Сержант стоит на носу, наклонившись над штевнем, лоцман и жандармы подтаскивают лодку к твердой земле. Пусть помогут мамашам, пусть возьмутся по двое за руки, сделают стульчик и перенесут их, чтоб не замочились. Мать Анхелика важно восседает на руках у Черномазого и Тяжеловеса, мать Патросиния с минуту мешкает в нерешительности, когда Малыш и Блондин берутся за руки и подставляют ей стульчик, а садясь, краснеет как рак. Жандармы, пошатываясь, идут через отмель и опускают монахинь на землю там, где кончается грязь. Сержант

¹ *Мангачи* — жители квартала Мангачерия в перуанском городе Пьюра, населенного по преимуществу индейцами и метисами. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

спрыгивает и подходит к откосу оврага, а мать Анхелика уже с решительным видом взбирается вверх по склону, следом за ней спешит мать Патросиния, обе карабкаются на четвереньках и скрываются в облаках красноватой пыли. Земля в овраге рыхлая, сержант и жандармы на каждом шагу увязают по колено, идут, согнувшись в три погибели, задыхаясь от пыли, прижимая платок ко рту. Тяжеловес чихает и отплевывается. Наверху они отряхают друг друга, и сержант осматривается: круглая поляна, горстка хижин с коническими крышами, узкие полоски маниоки и бананов, а вокруг густой лес. Между хижинами — деревца, с ветвей которых свисают овальные кошелки — гнезда паукаров¹. Говорил он матери Анхелике, нет, настояла на своем, а теперь сами видят — ни души. Но мать Анхелика снует взад и вперед, заходит в одну хижину, выходит и заглядывает в другую, хлопает в ладоши, чтобы разогнать мух, ни секунды не стоит на месте и издали, окутанная пеленою пыли, кажется не старушкой, а ходячей сутаной, неугомонною тенью.

Мать Патросиния, напротив, стоит неподвижно, спрятав руки в складках сутаны, и обегает глазами безлюдное селение. Всколыхнув ветви деревьев, взлетает стая птиц с зелеными крыльями, черными клювами и синими грудками. Они с пронзительными криками кружат над опустелыми хижинами Чикаиса, а солдаты и монахини следят за ними взглядом, пока они не пропадают в зарослях, и еще с минуту прислушиваются к их затихающему гомо-

¹ *Паукар* — лесная птица, распространенная в перуанской сельве.

ну. Здесь есть попугайчики, это надо иметь в виду на случай, если не будет еды. Но от них, мать моя, бывает дизентерия, попросту сказать, понос. Из оврага показывается соломенная шляпа и загорелое лицо лощмана Ньевеса. Вон как перепугались агваруны¹. Ну и упрямицы эти мамыши, им дело говорили, а они не послушались. Мать Анхелика подходит, бросает по сторонам взгляд своих маленьких, запря-танных в морщинах глазок и обращается к сержанту, размахивая у него под носом узловатыми, сухонь-кими руками в коричневых веснушках: люди где-то здесь, поблизости, они не забрали вещей, надо подо-ждать, они вернутся. Жандармы переглядываются, сержант закуривает сигарету, два паукара носятся в воздухе, и их черные с золотом перья блестят влаж-ным блеском. Вот и птички, все есть в Чикаисе. Кро-ме агварунов, смеется Тяжеловес. Надо было захва-тить их врасплох. Мать Анхелика пыхтит — разве мамаша их не знает? — пучок седых волосков у нее на подбородке слегка дрожит — они боятся людей, вот и прячутся, нечего и думать, что они вернутся, пока белые не уйдут, они и носу не покажут. Ма-ленькая, кругленькая мать Патросиния тоже здесь, между Блондином и Черномазым. Но ведь в про-шлом году они не прятались, вышли им навстречу и даже угостили свеженькой гамитаной², разве сер-жант не помнит? Но тогда они не знали, в чем дело, а теперь знают, мать Патросиния, надо это учесть.

¹ *Агваруны* — индейское племя, обитающее на обоих бе-регах реки Мараньон, в северо-западном районе Перу.

² *Гамитана* — крупная рыба, водящаяся в реках бассейна Амазонки.

Солдаты и лоцман Ньевес садятся на землю и разуваяются, Черномазый отвинчивает колпачок фляжки, пьет и вздыхает. Мать Анхелика поднимает голову: пусть поставят палатки, сержант, — сморщенное лицо, — натянут сетки от москитов, — невозмутимый взгляд, — они подождут, пока люди вернуться, — надтреснутый голос, — и не надо строить такую физиономию, у нее есть опыт. Сержант бросает сигарету и затаптывает ее: что ж делать, ребята, подымайтесь. Тут раздается кудахтанье, и из зарослей кустарника показывается рябая курица. Блондин и Малыш издают ликующий крик, гонятся за ней, ловят ее, но мать Анхелика, сверкая глазами, — бандиты, что они делают, — потрясает кулаком: разве это их курица, пусть сейчас же отпустят ее, и сержант: отпустите, но, мать моя, если они собираются здесь оставаться, нужна еда, не голодать же им. Мать Анхелика не позволит бесчинствовать, разве эти люди будут им доверять, если они станут воровать их живность? И круглолицая, розовошекая мать Патросиния поддакивает: воровать — значит оскорблять Бога, разве сержант не знает заповедей? Курица, коснувшись земли, кудахчет, хлопает крыльями и вперевалку убегает, сержант пожимает плечами: зачем им обманывать себя, раз они знают этих людей так же, как он, а то и лучше. Жандармы направляются к оврагу, на деревьях снова поднимают гомон попугаи и паукары, слышится жужжание насекомых, легкий ветерок шевелит листья ярины¹ на крышах хижин. Сержант с раздражением ослаб-

¹ Вид пальмы. Ее листьями в перуанских селениях обычно покрывают хижины.

ляет гетры и ворчит сквозь зубы, скривив рот. Лоцман Ньевес дружески хлопает его по плечу: пусть сержант не портит себе кровь и смотрит па вещи спокойно. Сержант украдкой показывает на монахинь: такая работенка, дон Адриан, хоть кого выведет из себя. Мать Анхелику мучит жажда и слегка знобит: дух у нее еще бодрый, но тело совсем немощное, мать Патросиния, а та — нет, пусть мать Анхелика так не говорит, сейчас солдаты поставят палатки, она выпьет лимонаду и почувствует себя лучше, вот увидит. Не о нем ли они шепчутся? Сержант рассеянным взглядом обводит окрестность. Думают, он дурак? Он обмахивается фуражкой — клуши несчастные! — и вдруг обращается к лоцману Ньевесу: воспитанные люди в обществе не секретничают, а тот ему: глядите, сержант, солдаты бегут назад. Каноэ? Да, подтверждает Черномазый. С агварунами? Да, господин сержант, отвечает Блондин, да, повторяет Малыш, и Тяжеловес, и монахини, да, да, и все что-то спрашивают и суетятся, и сержант приказывает Блондину вернуться к оврагу, последить за агварунами и предупредить его, если они начнут подниматься, а остальным спрятаться, и лоцман Ньевес подбирает с земли гетры и ружья. Солдаты и сержант входят в ближайшую хижину, но монахини остаются на поляне. Пусть мамыши спрячутся, быстрее, мать Патросиния, мать Анхелика. Они смотрят друг на друга, шушукаются, переминаются с ноги на ногу, наконец, заходят в хижину напротив. Блондин из кустарника, который скрывает его от агварунов, показывает пальцем в сторону реки: уже вылезают, сержант, привязывают каноэ, поднимаются, сержант, а у тряпки-сержанта не хватает выдержки —

пусть Блондин бежит сюда и прячется, чего он спит. Тяжеловес и Малыш, лежа на животе, смотрят в щели стены, сложенной из жердей чонты¹, Черномазый и лоцман Ньевес стоят в глубине хижины, а Блондин, прибежав, садится на корточки возле сержанта. Вон они, мать Анхелика, вон они, но хотя мать Анхелика стара, зрение у нее хорошее, мать Патросиния, она сама их видит, их шестеро. Впереди старуха с длинными космами, с дряблыми грудями, свисающими до пояса, в грязно-белой набедренной повязке. За нею — двое мужчин неопределенного возраста, низкорослых и пузатых, с шапкой волос, падающих до бровей, с тонкими, как спички, ногами, с голыми ягодицами, только перед прикрыт лоскутом желтой материи, прикрепленным обрывками лиан. Они несут ветви бананов. Потом две девочки в венках, у одной из них серьга в носу, у другой браслеты на щиколотках. Обе совсем голые, как и мальчик, который идет за ними, — видно, самый младший. Он и самый худой. Они смотрят на безлюдную поляну, женщина открывает рот, мужчины покачивают головой. Не пора ли выйти и заговорить с ними, мать Анхелика? А сержант: да, монахини выходят, внимание, ребята. Шесть голов поворачиваются в одно и то же время и застывают. Монахини, улыбаясь, ровным шагом направляются к группе агварунов, а те по мере их приближения сучиваются, и через минуту их тела уже сливаются в плотную массу землистого цвета. Шесть пар глаз не отрываются от двух темных сутан, которые плывут к агварунам, а если они заартачатся, придется выбежать,

¹ Вид пальмы.

только не стрелять, ребята, не пугать их. Они подпускают их, господин сержант, Блондин думал, что они удерут, как только завидят монахинь. А какие славненькие девочки, какие молоденькие, а, господин сержант? Этот Тяжеловес просто неисправим. Монахини останавливаются, и в ту же минуту девочки пятятся и цепляются за старуху, которая между тем принялась бить ладонями по плечам, отчего вздрагивают и раскачиваются ее чудовищно обвислые груди. Не приведи Господь! А мать Анхелика испускает нечленораздельный крик, плюет, извергает поток скрипучих, хриплых и свистящих звуков, снова плюет и продолжает воинственно верещать, а руки ее торжественными движениями чертят в воздухе замысловатые знаки перед неподвижными, бледными, бесстрастными лицами агварунов. Мамаша-то, ребята, растабарывает по-ихнему и плюет точнехонько, как чунчи. Должно быть, им нравится, господин сержант, что христианка разговаривает с ними на их языке, только потише, ребята, а то они услышат и испугаются. Голос матери Анхелики, густой и неровный, отчетливо слышен в хижине, и вот уже Черномазый и лоцман Ньевес тоже, прижавшись лицом к стене, смотрят сквозь щели. Мать Анхелика с матерью Патросинией и мужчины-агваруны улыбаются друг другу и обмениваются знаками почтения — она их обвела вокруг пальца, ребята, до чего умная монашенка. А вдобавок до чего образованная, знает ли сержант, что в миссии день и ночь учатся? Лучше бы, Малыш, там день и ночь замаливали наши грехи. Мать Патросиния улыбается старухе, но та отводит глаза и, сохраняя угрюмое выражение лица, придерживает за плечи девочек. Все

чего-то лопочут, господин сержант, все разговаривают. Мать Анхелика и двое мужчин гримасничают, жестикулируют, плюют на землю, перебивают друг друга, и вдруг трое детей отходят от старухи и принимаются бегать и хохотать. А карапуз-то, ребята, смотрит в их сторону, глаз не отводит. Обратил ли внимание сержант, какой он заморыш? Голова огромная, а туловище малюсенькое — ни дать ни взять паучок. Большие глаза мальчика из-под прядей волос, падающих ему на лоб, неотрывно устремлены на хижину. От загара он черен, как муравей, ноги у него кривые и хилые. Внезапно он поднимает руку, кричит, недоносок, слышите, ребята, заметил, господин сержант, и в хижине поднимается суматоха, брань, суতোлка, а когда солдаты, толкая друг друга и спотыкаясь, выбегают на поляну, раздаются гортанные голоса агварунов. Пусть опустят ружья, дубины, сердито машет руками на солдат мать Анхелика, вот им покажет лейтенант. Девочки прижимаются к старухе, уткнувшись лицами в ее дряблые груди, а мальчик в ужасе застывает на полдороге между солдатами и монахинями. Один из агварунов роняет гроздь бананов, где-то кудахчет курица. Лоцман Ньевес стоит на пороге хижины с сигаретой в зубах, сдвинув на затылок соломенную шляпу. Что сержант о себе воображает — мать Анхелика даже подскакивает от негодования, — зачем он вмешивается, когда его не просят? Да ведь если они опустят винтовки, дикари сейчас же испарятся, мать Анхелика, но она показывает ему свой веснушчатый кулак, и он сдаётся — пусть ребята опустят маузеры. Мать Анхелика снова обращается к агварунам, она уговаривает их с мягкой настойчиво-

стью, ее простертые руки медленно рисуют в воздухе убедительные знаки, и мало-помалу окаменелые лица мужчин смягчаются, и вот уже они односложно отвечают ей, а она улыбается и с непреклонной решимостью добиться своего продолжает верещать. Мальчик подходит к солдатам, нюхает винтовки, трогает их, Тяжеловес легонько щелкает его по лбу, он с визгом отскакивает — испугался, ублюдок, — и у Тяжеловеса от смеха трясется живот и двойной подбородок. Мать Патросиния меняется в лице: бесстыдник, какие слова говорит, неужели у него, грубияна, совсем нет уважения к ним, и Тяжеловес смущенно опускает свою бычью голову и бормочет заплетающимся языком: тысяча извинений, нечаянно сорвалось, мать Патросиния. Девочки и мальчуган толкуются среди солдат, рассматривают их, трогают пальцами. Мать Анхелика и два агваруна дружески лопочут. Вдали еще блестит солнце, но над лесной чащей небо заволакивают густые белые облака — собирается дождь. Их же вот обругала мать Анхелика, а они ничего. Мать Патросиния улыбается: дурень, дубина не ругательство, дуб-то ведь просто дерево, такое же твердое, как его голова, а мать Анхелика оборачивается к сержанту: они поедят с ними, пусть принесут подарки и лимонад. Он кивает и, указывая на овраг, отдает распоряжения Малышу и Блондину: чертова монахиня, ребята, затеяла пирушку — зеленые бананы и сырая рыба. Дети вертятся вокруг Тяжеловеса, Черномазого и лоцмана Ньевеса, а мать Анхелика, старуха и мужчины раскладывают на земле листья банана, приносят из хижины глиняные сосуды и маниоку, разжигают костерик, завертывают в листья багров

и бокачик¹, перевязывают их лианами и подносят к огню. Неужели, сержант, они станут ждать остальных? Тогда этому конца не будет — лоцман Ньевес отбрасывает окурок, — остальные не вернуться, раз они ушли, значит, не хотели принимать гостей, да и эти того и гляди удерут. Да, сержант это понимает, но с монахинями бесполезно спорить. Малыш и Блондин возвращаются с сумками и термосами, монахини, агваруны и солдаты усаживаются вокруг банановых листьев, старуха, хлопая в ладоши, разгоняет насекомых. Мать Анхелика раздает подарки, и агваруны принимают их, не выказывая особой радости, но потом, когда монахини и солдаты начинают есть кусочки рыбы, которые отрывают руками, оба мужчины, не глядя друг на друга, открывают сумки, любовно поглаживают зеркальца, перебирают бусы, и в глазах старухи загорается алчный огонек. Девочки вырывают друг у друга бутылку, мальчик яростно жует, а сержант не знает как быть: у него заболит живот, начнется понос, он распухнет, как упырь, по всему телу пойдут нарывы, и из них будет сочиться гной. Он держит у рта кусок рыбы и растерянно моргает. Черномазый, Малыш и Блондин тоже брезгливо кривят губы, мать Патросиния закрывает глаза, глотает, морщится от отвращения, и только лоцман Ньевес и мать Анхелика то и дело протягивают руки к листьям банана, разнимают на кусочки белое мясо и, очистив от костей, с видимым удовольствием отправляют его в рот. Все здешние смахивают на чунчей, да и монахини тоже, если по-

¹ *Багры и бокачки* — рыбы, изобилующие в водах Амазонки.

смотреть, как они едят. Сержант рыгает, все смотрят на него, и он смущенно откашливается. Агваруны, надев бусы, красуются в них друг перед другом. Красные, как гранат, стеклянные шарики контрастируют с татуировкой, украшающей грудь того из них, у которого на одной руке шесть браслетов из зерен четок, а на другой три. Когда они двинутся в путь, мать Анхелика? Солдаты смотрят на сержанта, агваруны перестают жевать. Девочки робко прилегают к блестящим бусам и браслетам. Надо подождать остальных, сержант. Агварун с татуировкой что-то говорит матери Анхелике, вот видите, сержант, вы их обижаете, ешьте, не привередничайте. У него нет аппетита, но он хочет кое-что сказать матери Анхелике: они не могут больше оставаться в Чикаисе. Сержант здесь для того, чтобы помогать им, а не командовать, с набитым ртом отвечает мать Анхелика, и ее маленькая твердая рука сжимает горлышко термоса с лимонадом. Пусть спросят Малыша, он слышал, что сказал лейтенант, и Малыш: чтоб они возвращались не позже чем через неделю, мать Анхелика. Прошло уже пять дней, а сколько понадобится на обратный путь, дон Адриан? Три дня, если не будет дождя. Вот видите, он тут ни при чем, приказ есть приказ, мать Анхелика. Одновременно слышится гортанная речь агварунов: мужчины громко разговаривают между собой, судя по жестам, сравнивают свои браслеты. Мать Патросиния проглатывает кусок рыбы и открывает глаза. А если остальные не вернуться? Если они вернуться только через месяц? Конечно, это всего лишь предположение, — она закрывает глаза — возможно, она ошибается — и глотает. Мать Анхелика хмурится, поджи-

мает губы и пощипывает кустика седых волосков на подбородке. Сержант отпивает глоток из фляжки: хуже слабительного, тут и жара не такая, как в их краю, от здешней все тухнет. Тяжеловес и Блондин повалились наземь и лежат на спине, прикрыв лица фуражками, а Малыш спрашивает, видал ли кто-нибудь тех чудищ, о которых говорил дон Адриан, и Черномазый подхватывает — правда, пусть он, Адриан, продолжает, пусть расскажет про них. Это наполовину рыбы, наполовину женщины, живут они в глубине заводей, поджидают утопленников и, как только опрокинется каноэ, хватают людей и утаскивают их в свои подводные дворцы. Они кладут их в гамаки, которые свиты не из джута, а из змей, и там забавляются с ними, а мать Патросиния: уже пустились в суеверные рассказы? Нет, нет. И они считают себя христианами? Ничего подобного, мамаша, они говорили о погоде, пойдет дождь или нет. Мать Анхелика, сложив руки на животе, наклоняется к агварунам, что-то говорит им вкрадчивым тоном, не переставая улыбаться, и мужчины, не двигаясь с места, мало-помалу выпрямляются и вытягивают шеи, как цапли, когда они, греясь на солнышке на берегу реки, вдруг завидят дымок парохода, и от изумления у них расширяются зрачки, а у одного тяжело вздымается грудь, и татуировка то выступает, то расплывается, и они постепенно надвигаются на мать Анхелику, настороженные, суровые, безмолвные, а косматая старуха хватается за руки девочек. Мальчик продолжает есть. Внимание, ребята, дошло до дела. Лоцман, Малыш и Черномазый молчат. Блондин приподнимается и толкает в бок Тяжеловеса, один из агварунов искоса глядит на сер-

жанта, потом смотрит на небо, старуха обнимает девочек и прижимает их к своим обвислым грудям, а мальчик переводит глаза с матери Анхелики на мужчин, с мужчин — на старуху, со старухи — на солдат и на мать Анхелику. Агварун с татуировкой начинает говорить, ему вторит другой, а за ним и старуха, ураган звуков заглушает голос матери Анхелики, которая протестующе качает головой и машет руками, и вдруг, не переставая бормотать и плевать, оба мужчины медленными, торжественными движениями снимают с себя бусы и браслеты, и на листья банана дождем сыплются стекляшки. Агваруны протягивают руки к остаткам рыбы, между которыми течет ручеек коричневых муравьев. Теперь уж их не умаслишь, ребята, закусили удила, но они готовы действовать и возьмут их в оборот, как только прикажет господин сержант. Агваруны очищают голубовато-белые куски рыбы, хватают ногтями и давят муравьев и тщательно завертывают еду в ребристые листья. Пусть Малыш и Блондин возьмут на себя девчонок, сержант поручает им их, и Тяжеловес про себя — вот счастливики. Мать Патросиния бледна как полотно, у нее беззвучно шевелятся губы, а пальцы сжимают черные зерна четок. И вот что, сержант, пусть они не забывают, что это девочки, хорошо, хорошо, он знает, а Тяжеловес и Черномазый утихомят голозадых, и пусть матушка не беспокоится, а мать Патросиния — смотрите, если будете зверствовать, а лоцман позаботится забрать вещи, только без зверств, святая Мария Богородица. Все смотрят на побелевшие губы матери Патросинии, которая молится за них, перебирая черные шарики, и мать